

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

С Л О В О

въ день Св. Духа,—престольный праздникъ на кладбищѣ.

Не мы одни, а вся Вселенская Церковь торжественно празднуетъ нынѣ въ честь и славу Единосущнаго и Сопрестольнаго Отцу, Всесвятаго Духа—Господа. Но наше торжество отличается одною особенностію на которую нельзя не обратить вниманія. Мы говоримъ о той особенності, что храмъ сей, въ которомъ мы прославляемъ Небеснаго Утѣшителя, занимаетъ мѣсто въ юдоли плача и тяжкихъ воздыханій. Здѣсь и окрестъ сего храма мы проливаемъ потоки горькихъ слезъ о потерѣ нашихъ родныхъ и друзей. Не думаемъ, чтобы это обстоятельство могло омрачить свѣтлость настоящаго торжества нашего, но нельзя совершенно отрѣшиться отъ прилива скорбныхъ чувствованій при взглядѣ на эти огромныя жилища богатыхъ и бѣдныхъ, знаменитыхъ и худородныхъ—всѣхъ безъ различія. Очень можетъ быть, что многіе и въ настоящій день притекли сюда сколько для участія въ торжествѣ, столько и для того, чтобы отъ глубины сердца воздохнуть и поплакать надъ могилою дорогаго для нихъ усопшаго. Всего болѣе для этихъ людей, да и вообще для всѣхъ, считаемъ не лишнимъ и не неприличнымъ настоящему торжеству предложить въ утѣшеніе и назиданіе открытое Духомъ Св. ученіе о томъ, что такое смерть и какое отношеніе должны мы имѣть къ усопшимъ братіямъ.

Вы сокрушаетесь о смерти любимыхъ вашихъ родныхъ? Раздѣляемъ вашу печаль, но не можемъ одобрить безутѣшной скорби о ихъ смерти. Усопшіе не умерли, не уничтожились, но живы у Бога живыхъ; по необходимому, по спасительному закону они только перешли въ жизнь новую, лучшую. Можно сказать, что мы не живемъ на землѣ, а только готовимся къ жизни: тамъ, а не здѣсь подлинная жизнь наша. Гробъ, освященный смертію и воскресеніемъ Спасителя, есть колыбель,

въ которую нисходитъ новорождающийся для истинной вѣчной жизни: кто скрылся въ немъ съ вѣрой въ Воскресшаго изъ гроба Христа Жизнодавца, тотъ уже болѣе не умираетъ. И какъ младенецъ по рожденіи не согласится возвратиться въ утробу матернюю, такъ и умершіе о Христѣ почли бы для себя наказаніемъ, если бы суждено было имъ снова облечься въ плоть и кровь (Фил. 1, 21).

Вы жалуетесь, что смерть вашихъ родныхъ принесла вамъ много горя и слезъ, вы ропщете, что она безвременно отняла единственное утѣшеніе у родителей, мать — у неоперившагося птенца, добрую супругу у счастливаго мужа, что она лишила жизни людей — полныхъ силъ и здоровья среди богатства благъ земныхъ и сладостныхъ надеждъ. Успокойтесь, возлюбленные! Послушайте, что говоритъ въ утѣшеніе ваше премудрый о преждевременной кончинѣ добродѣтельнаго: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лести прельститъ душу его* (Прем. Солом. 4, 11). Мы дорожимъ земными выгодами и удовольствіями, большею частью чувственными и преходящими, а Господь смотритъ на превосходство безсмертной души нашей и печется о блаженствѣ вѣчномъ. Посему если предвидитъ, что или земныя блага гослужили бы кому во вредъ, или грядущія бѣдствія и некушенія повергли бы много въ уныніе и отчаяніе, — полагаетъ нерѣдко конецъ жизни, отъемля тѣмъ случай ко грѣху и избавляя человека отъ бѣдъ и скорбей. Поэтому, если вы любите родныхъ, то не скорбѣть, а радоваться нужно. Ибо что такое смерть для христіанина? Это сонъ и успокоеніе: — какъ спящіе не возмущаются никакими страстями, забываютъ свои скорби и печали, оставляютъ свои заботы, не чувствуютъ болѣзней, не боятся страха, такъ и умершіе совершенно успокоиваются отъ всѣхъ заботъ и попеченій житейскихъ, перестаютъ терпѣть гоненія, не боятся гнѣва и злобы чело- вѣческой, освобождаются отъ всѣхъ скорбей и болѣзней, отъ всякой борьбы со страстями, и тѣлами своими во гробѣ, какъ на мягкомъ ложѣ покоятся, ожидая пробужденія отъ смерти въ послѣдній день, когда труба Архангела воззоветъ всѣхъ изъ гробовъ: *блажени убо умирающіи о Господѣ отнынь: ей ялаголетъ Духъ да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 16, 13). Что такое смерть? Это конецъ нашего странствованія — тихое пристанище къ небесному нашему отечеству, гдѣ послѣ долгаго странствованія намъ успокоиться должно, — гдѣ любовь Творца уготовала намъ домъ, въ которомъ обители многи суть, гдѣ

Господь отретъ всякую слезу отъ очей нашихъ, гдѣ приуготовлены для насъ неизреченныя блага, гдѣ водворяются лики праотцевъ, гдѣ ликуютъ пророки, апостолы, пастыри и учителя, — гдѣ торжествуетъ пресвѣтлое мучениковъ воинство, гдѣ успокоилось множество праведниковъ.

Поэтому то люди, вѣрно понимавшіе настоящую жизнь, не были привязаны къ ней. Лучшая утѣшительная мысль благочестивыхъ была мысль о смерти, ибо смерть служила для нихъ убѣжищемъ отъ грѣховъ и соблазновъ. Они жаловались на продолженіе своей жизни. *Увы мнѣ*, говоритъ пророкъ и царь, *яко пришельствіе мое продолжится* (Ис. 119, 5), т. е. прискорбно мнѣ, что жизнь моя такъ долга. *Желаю разлучиться и со Христомъ быти*, говоритъ апостоль. Но вы сомнѣваетесь въ блаженной участи своихъ усопшихъ? Вы скорбите о грѣхахъ ихъ? Такъ, для многихъ жизнь загробная будетъ горькая и безотрадная и плачь о грѣхахъ у мѣста и похваленъ. Но если усопшіе умерли въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія, то есть еще средство къ облегченію ихъ отвѣтственности за грѣхи, къ достиженію ихъ вѣчнаго блаженства, — эта усердная за нихъ молитва и благотворенія.

Теплая молитва къ Всеблагому Господу о помилованіи усопшихъ спасительна для нихъ. Она возносится къ престолу милосердія Божія и оттуда низводитъ благодать, которая можетъ успокоить смущенную душу. И чѣмъ пламеннѣе молитва, чѣмъ больше число усердно молящихся за умершихъ, тѣмъ обильнѣе изливается на нихъ благодать Божія, тѣмъ больше имъ отрады и утѣшенія. Поэтому полезно подкрѣплять свои молитвы благоугодными молитвами бѣдныхъ братій, оказывая имъ благодѣянія ради успокоенія отшедшихъ душъ.

Подавая нищимъ милостыню, мы тѣмъ дѣлаемъ угодное Христу. Мы этимъ одолажаемъ, снабжаемъ, утѣшаемъ его братьевъ, которыхъ онъ любить. Какой же братъ, любящій своего брата, не готовъ полюбить насъ, сдѣлать угодное намъ, если мы одолажемъ любимаго ему брата? Если это дѣлаютъ люди изъ благодарности, изъ желанія за любовь воздать любовью, за услугу — услугою, то тѣмъ болѣе можно сего ожидать отъ того, кто вдохнулъ въ сердца людей чувство любви и благодарности. Писитинъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, есть возможность, если хотимъ, облегчить наказаніе скончавшагося грѣшника. Если будемъ творить о немъ частыя молитвы и раздавать — милостыню, то, хотя бы онъ былъ и недостойнъ самъ по себѣ, Богъ услышитъ насъ. Но еще спа-

сительнѣе для усопшихъ молитва всей церкви и принесеніе за нихъ безкровной жертвы, которою открыть источникъ спасенія для всего міра. Не помянетъ ли Господь бѣдную душу ради безконечныхъ заслугъ Единороднаго своего Сына, ради всеильнаго ходатайства Господа Иисуса, умершаго и воскресшаго для блаженства всѣхъ чадъ Адамовыхъ. Можно ли не ожидать прошенія преступнику, тамъ, гдѣ ходатайствуетъ о преступникѣ самъ царь. Не напрасно, говорятъ тотъ же учитель церкви, не напрасно узаконено апостолами творить предъ страшными тайнами поминовеніе объ усопшихъ; они знали, что великая бываетъ отъ сего польза для усопшихъ... И въ другомъ мѣстѣ: когда весь народъ и священный соборъ стоятъ съ простертыми къ небу руками, и когда предлежать страшная жертва, какъ не умилостивимъ Бога, молясь за умершихъ

Вотъ какая великая польза усопшимъ отъ поминовенія. И тѣ худо дѣлаютъ, которые забываютъ и небрегутъ о семъ. Они лишаютъ усопшихъ, имѣющихъ нужду въ поминовеніи, небесной жизни, благодатнаго покоя и райскаго веселія. Тѣмъ тягостнѣе это лишеніе для умершихъ, что они видятъ возможность пріобрѣсть небесныя сокровища чрезъ наши молитвы, милостыни и жертво—приношенія и вмѣстѣ знаютъ, что мы, несмотря ни на родство, ни на дружбу, ни на ихъ благодѣянія, которыми они насъ осыпали, не радимъ о благѣ ихъ. Не больно ли утопающему видѣть своихъ друзей, спокойно сидящихъ на берегу и незаботящихся о его спасеніи, тогда какъ имъ стоило бы только бросить ему вервь, и онъ былъ бы спасенъ отъ потопленія? Если бы отверзлись предъ нами бездны вѣчности, если бы мы узрѣли умершихъ собратій нашихъ, то вѣрно бы первое ихъ слово, первое ихъ прошеніе къ намъ было о поминовеніи ихъ. Отъ лица усопшаго (послѣд. погреб. свящ.) сама церковь вопіетъ: братіе мои возлюбленніи, молитесь Бога, да упокоитъ мя съ праведными; прошу всѣхъ и молю, непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу.

Послѣ этого можно ли оставаться равнодушными къ просьбамъ усопшихъ? Можно ли не заботиться о упокоеніи ихъ, когда, можетъ быть, мы сами причиною ихъ гибели,—мы соблазнили ихъ худымъ примѣромъ и не отводили отъ грѣха? Поминайте же, поминайте, братіе усопшихъ. Вмѣсто бесполезныхъ рыданій и воплей, подавайте имъ эту благовременную помощь.

Но заботясь объ умершихъ, не забудемъ и о себѣ, будемъ и сами готовиться къ своему успенію. Ибо долга ли жизнь наша? Какъ ни продолжай ее въ мысляхъ, а чрезъ нѣсколько времени придется и намъ оставить этотъ міръ и все, что въ немъ, оставить навсегда, и идти въ другой міръ, идти не на день, не на годъ, а оставаться тамъ до конца міра. Какъ не подумать о семъ? Какъ не готовиться къ этому? Какъ не взять заблаговременно всѣхъ мѣръ, чтобы этотъ важный и рѣшительный переходъ изъ одного міра въ другой былъ для насъ какъ можно безболѣзненнѣе и благополучнѣе? Не забудемъ слышаннаго нынѣ нами въ апостольскомъ чтеніи наставленія: *блудите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дни лукави суть* (Ефес. 5, 15). Да, братіе, дни лукавы, время обмачливо: сегодня мы живы, а завтра—Богъ знаетъ! Каждому изъ насъ извѣстно не мало примѣровъ, что смерть застаётъ людей въ такое время, когда они всего менѣе ожидаютъ ее. Бояться смерти,—мы боимся какъ нельзя болѣе; плакать и рыдать у гроба—плачемъ болѣе язычниковъ, непмущихъ упованія; а готовиться къ смерти—это какъ бы не наше дѣло.—Живемъ, какъ бы никогда не умирать; оттого какъ и умираемъ? Какъ будто бы намъ никогда не воскресать. Страхъ, стоны, вопли, ропотъ, отчаяніе—вотъ наша смерть! О вѣрѣ, о безсмертіи, объ обителяхъ въ дому Отца Небеснаго, о соединеніи со святыми и съ Господомъ—нѣтъ и воспоминанія. Такъ ли слѣдуетъ умирать христіанамъ? Для этого ли пострадалъ и воскресъ для насъ Господь нашъ? Для сего ли дано намъ столько откровеній, столько обѣтованій, столько благодатныхъ даровъ Св. Духа?

Опомнимся же, возлюбленные, отъ нашего нечувствія. Да не будетъ бесплоднымъ настоящее наше собраніе на мѣстѣ вѣчнаго покоя, которое вѣроятнo приметъ въ нѣдра свои большую часть изъ насъ. Пусть каждый возметъ отсюда съ собою въ напутствіе память смертную; это будетъ одинъ изъ лучшихъ плодовъ нынѣшняго праздника. А чтобы память эта не ослабѣвала, постараемся оживлять ее частымъ посѣщеніемъ сего св. мѣста для молитвы и благочестиваго размышленія на гробахъ братій нашихъ.

Протоіерей П. Ильинскій.